

ИТОГОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
временной экспертной комиссии по рассмотрению документов
образовательной программы «Искусствоведение» (направление подготовки:
50.03.02. Изящные искусства; уровень высшего образования: бакалавриат),
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Сформированная на заседании УМС 29.10.24 протокол № 020 (040) временная экспертная комиссия по рассмотрению документов образовательной программы «Искусствоведение» (направление подготовки: 50.03.02 Изящные искусства) в составе: *Носов Д.М.*, канд. филос. наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ в Москве — руководитель комиссии; *Зинченко С.А.*, канд. искусствоведения, доцент, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ в Москве — член комиссии; *Лопухова М.А.*, канд. искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории искусств, заместитель заведующего кафедрой всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова — член комиссии; *Назарова О.А.*, канд. искусствоведения, академический руководитель образовательной программы «История искусств», доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ в Москве — член комиссии; *Печенкин И.Е.*, канд. искусствоведения, доцент кафедры истории русского искусства, заведующий кафедрой истории русского искусства РГГУ — член комиссии; *Шарнова Е.Б.*, канд. искусствоведения, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ в Москве — повторно рассмотрела доработанные документы данной программы.

Принимая во внимание позицию большинства членов, экспертная комиссия пришла к выводу о невозможности рекомендовать УМС поддержать образовательную программу «Искусствоведение».

Членами комиссии были высказаны следующие замечания.

Документы, представленные разработчиками, показывают, что проблема рассматриваемой программы не в частных ошибках или отдельных недоработках, а системная. Команда, инициировавшая программу по искусствоведению (которая должна «соединить высокие стандарты академической подготовки с проектным подходом»), не готова к решению стоящей перед ней задачи. Команда состоит из историков санкт-петербургского кампуса и преподавателей истории искусства на ОП «Дизайн» московского кампуса НИУ ВШЭ. Подаваемые раз за разом документы свидетельствуют о том, что ни те, ни другие коллеги не имеют опыта подготовки собственно искусствоведов и обладают лишь приблизительным представлением о потребностях рынка труда в этой сфере.

Для открытия ОП «Искусствоведение» в Санкт-Петербургском кампусе команду разработчиков должен возглавить кто-то, обладающий профильным образованием, опытом работы по специальности — для того чтобы обеспечить достаточную академическую подготовку студентов, а также связями с музейными и культурными институциями Санкт-Петербурга — для того, чтобы разработать эффективную программу практической подготовки, ориентированную на реальные потребности

будущих работодателей и способную интегрировать студентов в профессиональную среду.

1. В представленных документах дефицит профессионализма разработчиков в области «Искусствоведение» проявляется, в частности, в том, что при доработках в документах появляются все новые и новые ошибки (ошибки в первом варианте документов¹, ошибки во втором² и в третьем варианте³). Помимо прямых ошибок в документах присутствуют и менее очевидные признаки отсутствия именно искусствоведческой квалификации. Так в первом варианте аннотации программы «Искусство Древнего мира» искусство Древней Греции было представлено лишь двумя периодами: искусство «тёмных веков» и искусство эллинизма, при этом из поля зрения выпал весь период греческой классики. А «северная» часть предмета «Искусство Возрождения» обрывалась на XV веке.

В последнем варианте документов также присутствуют аналогичные признаки невысокой искусствоведческой компетентности. В аннотации программы «Искусство Древнего мира» рассматриваются только европейские мегалитические комплексы, отсутствуют даже упоминания о таких важных периодах в искусстве Древнего Востока как Новохеттское царство, Ахеменидский Иран; в качестве одной из основных черт искусства Древнего Египта упомянута «массивность» (!); не приведены имена ни одного греческого мастера; вся разнообразная история древнеримской архитектуры сведена в две фразы «особенности архитектуры разных периодов» и «ключевые памятники архитектуры Древнего Рима».

2. Желательно, чтобы образовательной программой по «Истории искусства» («Искусствоведению») руководил человек с профильным искусствоведческим образованием, соответствующей ученой степенью, публикациями и опытом работы. Планируемый руководитель не соответствует ни одному из этих критериев. Кроме того, согласно представленным документам, педагогический стаж претендента на должность академического руководителя программы составляет всего два года. Следует также отметить, что педагогический стаж сформирован из чтения двух курсов, которые никак не могут быть отнесены к базовым профессиональным для искусствоведа, а именно: «История и культура Нидерландов раннего нового времени» и «Музееведение». Отсутствует в CV претендента и упоминание об опыте руководства образовательными программами или хотя бы серьезной интеграции в образовательный процесс, связанной с преподаванием базовых дисциплин по истории искусств.

Имеющийся состав преподавателей количественно недостаточен для масштаба программы бакалавриата, а по характеру компетенций не соответствует ее задачам. Дисциплины поручаются преподавателям, не имеющим публикаций по искусству тех периодов, которые они должны освещать:

---

¹ Рембрандт входил в число выдающихся деятелей эпохи Возрождения, художник Альфред Сислей имел инициал «Э», а Аршил Горки был назван А. Горьким.

² Присутствовали терминологические ошибки («колористика» — термин, не используемый в искусствоведении, «сюжетная картина» — не является жанром хотя в документах программы таковым именуется), множество ошибок в хронологии и определениях (К.Ф. Шинкель указан среди мастеров XVIII века и отнесен к «неоклассицистам»). Названия разделов в разных курсах не соответствуют содержанию. Так, в проектном семинаре в раздел формальный и стилистический анализ попадают Патер, Рескин, Фридлендер и пр., которым в этом разделе не место.

³ В аннотации к программе «Русское искусство XVIII–XIX веков» в раздел «Русское искусство первой половины XVIII века» попали имена А. Ринальди, В.И. Баженова, М.Ф. Казакова, И.Е. Старова, Ч. Камерона, Дж. Кваренги.

— сотрудник Эрмитажа Л.В. Ляхова (специалист по фарфору Нового времени) заявлена как преподаватель курса по искусству Средних веков;

— М.А. Чукчеева (специалист по узкому периоду русского искусства) привлечена к преподаванию огромного и основополагающего курса по европейскому искусству XVII–XVIII веков, а заодно и по европейскому искусству XIX века. При этом чтение русского искусства XVIII–XIX веков, которое входит в компетенции М.А. Чукчеевой, поручается историку, не имеющему искусствоведческих публикаций;

— курсы «Арт-критика» и «Кураторство и основные тенденции актуального художественного процесса» в программе, которая гордится своей практической направленностью, поручены А.В. Рыкову, ведущему специалисту по теории и методологии истории искусства, профессиональному преподавателю, не имеющему практического опыта ни арт-критики, ни кураторства;

— Е.А. Андреева, не имеющая искусствоведческого образования и публикаций, планируется преподавателем «Проектного семинара “Искусствоведение”»;

— И.В. Антипов (прекрасный специалист по древнерусской архитектуре и ее археологии) должен преподавать курс «Археология архитектуры», который при этом, судя по программе, является курсом по всеобщей истории архитектуры от древности до модернизма.

Перечисленные фамилии — это действительно авторитетные специалисты, но распределение их по планируемым дисциплинам производит впечатление некоторого хаоса. Подобные кадровые решения возможны на курсах ДПО и в популярных лекториях, но не на программе, которая собирается готовить профессиональных искусствоведов.

Также не очень понятно, зачем привлекать московских преподавателей ОП «Дизайн» для чтения таких дисциплин как «Искусство Византии» — в Петербурге сильнейшая школа византистики — или «Арт-менеджмент» — санкт-петербургский кампус реализует чрезвычайно успешный и популярный у студентов майнор «Арт-менеджмент будущего».

3. Количество кредитов на профильных дисциплин, хоть и было увеличено в БУПе по сравнению с предыдущими вариантами, все равно является недостаточным для подготовки собственно искусствоведов. В программе отсутствует базовая для подготовки искусствоведов дисциплина, посвященная описанию и анализу произведений искусства, НИСы отсутствуют как элемент учебного плана.

Есть и серьёзные претензии к непропорциональному распределению часов: на «Историю эстетики» отводится 3 ЗЕ, т.е. столько же, сколько на освоение таких значимых профессиональных предметов как «Искусство Византии», «Древнерусское искусство», «Методология истории искусства». Курс «История декоративно-прикладного искусства» объёмом 5 ЗЕ., отнесённый разработчиками ОП к вариативным обязательным, значительно превышает по объёму практически все базовые профессиональные дисциплины. Также есть существенные недостатки, связанные с распределением часов внутри самих курсов, представленные в аннотациях к ним, что особенно неприемлемо в рамках освоения базовых профессиональных дисциплин. Так, вызывает вопросы распределение часов в курсе «Искусство Древнего мира»: 6 ак. часов на лекции по всему искусству Древнего Востока и 12 ак. часов на изучение искусства Крита и Микенской Греции. За те же 12 ак. часов студенту предлагается освоить практически всё искусство Древней Греции (архаика и классика) и эллинизма. На изучение раздела «Искусство XV века в Северной Европе. Поздняя готика и “Интернациональная” готика», согласно аннотации, отведено 8 ак. часов, тогда как всё искусство романского стиля предлагается преподавать в объёме 6 ак. часов; на изучения важнейшего раздела «Теории искусства первой половины XX века» в курсе «Теории

искусства» отведено 2 ак. часа, тогда как раздел этого же курса «Теория искусства в эпоху античности» предлагается освоить за 4 ак. часа. Подобные претензии, к сожалению, относятся не только к упомянутым выше программам. Это очевидным образом свидетельствует о низком уровне квалификации тех сотрудников, кто занимался подготовкой документов программы, и об их сугубо формальном, механистическом подходе к составлению программ.

4. Концепции ряда курсов вызывают вопросы. Курс «Археология архитектуры», судя по программе, является курсом по всеобщей истории архитектуры от древности до модернизма. Его разделы неизбежно дублируют соответствующие части хронологических курсов по отдельным периодам истории искусства. Про собственно археологию в программе почти ничего не сказано, да и непонятно, какова может быть археология архитектуры, например, модернизма.

Дисциплины «Проектный семинар “Искусствоведение”» и «Методология искусствознания» в значительной части дублируют друг друга. При этом по сути оба курса предлагают «историю истории искусства», оба — фрагментарно и очень выборочно, со значительными лакунами. Те же имена и направления искусствознания присутствуют и в разделе 7 курса «Введение в искусствознание». Социальная история искусства — ведущий метод современного искусствознания — на 218 страницах аннотаций упоминается единожды, в пропедевтическом курсе первого года обучения. Ни проектный семинар, ни курс по методологии знакомить с ним студентов не планируют. Проектная сторона «Проектного семинара» никак не раскрыта.

5. Аннотации подготовлены методом копипаста с программ авторских курсов. Эти программы в таком виде могут быть реализованы только их авторами — другие специалисты не смогут читать по этим ПУДам. В первом варианте процент совпадения с заимствованными программами превышал 90%. В последующих вариантах часть изменений, внесенных в скопированные программы с целью скрыть факты плагиата, выдаёт профессиональную беспомощность тех, кто их вносил. Механическое перенесение кусков чужих программ без понимания целей курсов, в рамках которых они были созданы, в другие курсы не может быть рабочей моделью для создания ПУДов и аннотаций дисциплин для новой образовательной программы. Если разработчики программы найдут других специалистов, которые будут вести курсы рассматриваемой образовательной программы, то они станут читать эти дисциплины иначе, следовательно, представленные в настоящее время аннотации дают нулевую информацию о готовности программы к открытию.

6. Программа практической подготовки в рамках предлагаемой концепции является попыткой привить некоторые дизайнерские навыки студентам-искусствоведам с целью повышения их востребованности на рынке труда. Однако исследования о существовании запросов на таких специалистов не проводилось (или разработчики о нем не стали сообщать). В блок научно-исследовательской практики помещен принципиальный для разработчиков элемент — «Креативное проектирование» в объеме 51 ЗЕ., хотя в заключениях УМС неоднократно отмечалось, что объединенные под этим названием виды активностей и заданий не имеют отношения ни к научно-исследовательской деятельности (поскольку нацелены на техническую репрезентацию результатов научно-исследовательской деятельности), ни к практическому применению истории искусства.

Все лонгриды и таймлайны на специальных платформах, проекты экскурсий, коллекций и выставок, эссе могут и должны быть использованы на семинарских занятиях по профильным дисциплинам, но они не могут выноситься в отдельный блок бакалаврской программы «История искусства/Искусствоведение». Такие дисциплины как «Основы видеосъемки и монтажа», «Специальные технологии» не формируют

никаких искусствоведческих компетенций, и запросов на рынке труда на искусствоведов с этими навыками, нет. Дисциплины, которые могли бы их сформировать, «Арт-критика» и «Основы кураторства», представлены в академическом блоке и преподаются чисто теоретически. Полезный курс по билд-редактуре, заявлявшийся в первом варианте БУПа, в настоящее время отсутствует. Проектная составляющая такой программы не может механически использовать решения ОП «Дизайн», она должна быть разработана в сотрудничестве с профессионалами-практиками из музеев и культурных институций, как это, например, сделано разработчиками майнора «Арт-менеджмент будущего» того же питерского кампуса.

Новое название программы представляется даже менее удачным, чем прежнее. Искусствоведение — это область науки, едва ли это пригодное название для учебной программы с практическим уклоном. К тому же речь идет о программе бакалавриата, которая не может готовить кадры для искусствоведения, т.е. ученых.

7. Анализ рынка, представленный в «Обосновании открытия» (п. 4. «Характеристика сегмента рынка образовательных услуг») далеко неполный. Не учтены такие крупные образовательные институции, давно представленные на рынке образовательных услуг, как Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств (факультет теории и истории искусств), Российский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова (кафедра истории и теории декоративного искусства и дизайна), Российская академия живописи ваяния и зодчества Ильи Глазунова (факультет искусствоведения). Без анализа программ этих крупных образовательных институций обзор рынка является неполным, а выводы о его (рынка) работе становятся нерелевантными.

Также возникает вопрос, связанный с обеспечением конкурентоспособности анализируемой бакалаврской программы, если в её реализации участвуют преподаватели, заявленные в качестве таковых и на других образовательных площадках г. Санкт-Петербург в сфере преподавания программ по истории искусств, например А.В. Рыков, И.В. Антипов (СПбГУ, кафедра истории западноевропейского искусства и кафедра истории русского искусства, соответственно). За счет чего предлагаемая программа окажется лучше своих питерских конкурентов в сфере именно искусствоведения, если на ней работают те же преподаватели, что и у конкурентов?

В Петербурге существует несколько успешных искусствоведческих программ, реализуемых на базе различных образовательных институций, в том числе Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица.

Выходить на этот конкурентный рынок с таким «сырым» образовательным продуктом значит наносить ущерб бренду «Высшая школа экономики».

Принимая во внимание отмеченное выше, экспертная комиссия не рекомендует УМС согласовывать представленную образовательную программу «Искусствоведение».